

Средняя общеобразовательная школа при Посольстве Российской
Федерации в Республике Сербии.

Тимофеева Дарья, 7А класс
(12 лет)

Учитель: Сметанкина Ольга Николаевна

Белград, 2014

ПРОГУЛКИ ПО БЕЛГРАДУ

Родина... Это слово многое значит для каждого из нас. Не суетное, не сиюминутное, а нечто важное и постоянное скрыто в нём. Это “нечто важное” прячется на самом дне души, скрытое от нежелательных взглядов. У кого-то это – пение птиц, зелёные луга, может быть, смех младшей сестрёнки, у кого-то – снег, метель, завывание вьюги за окном и чашка горячего чая в руках.

У меня это слово значит Белград. Белград – самый прекрасный город мира. И никто никогда не разубедит меня в этом. Ведь я была и в Риме, и в Афинах, и в Вене, и в Праге, и во многих других прекрасных городах, но ни один из них не восхищал меня так, как Белград. В этом городе можно увидеть отливающий всеми цветами радуги, блестящий новизной небоскрёб рядом со старинным, дышащим историей зданием.

Каждый уголок этого города словно бы пропитан жизнью. Струящейся, копошащейся, суетящейся, мелькающей пёстрыми одеждами, радостной жизнью.

Белград – настоящий рай для художника. Когда родители подарили мне складной мольберт, я поставила перед собой цель: нарисовать серию картин-пейзажей Белграда. Не знаю, получится ли у меня передать этот радостный, весёлый нрав весеннего Белграда, сравнимый с ребёнком на качелях, радостно смеющимся, с чайкой, весело кричащей над речной голубизной, с парящим в вышине змеем, но я всё же постараюсь...

Я решаю начать с Калемегдана. В раннем детстве мы с мамой и папой часто ездили туда. Я отчётливо помню такую сцену: полупустой трамвай едет по залитому, словно жидким золотом, солнцем городу. Вот трамвай легко вздрагивает, останавливается. Первым из него выпрыгивает мама, за ней я, и последним, жмурясь от солнца, выходит папа. Мама ещё тогда засмеялась и сказала, что надо было послушать её совета и взять солнечные очки.

Папа рассказывал мне, что эта крепость была построена уже более полутора тысяч лет назад (правда, она уже десятки раз восстанавливалась) и что часы, установленные на Часовой башне, (подходящее название, не правда ли?) работают без остановки уже 300 лет!

Я сажусь в тени огромной, лениво шевелящей листвой липы и начинаю рисовать. Постепенно на листе появляется набросок. Краем глаза я замечаю, что за мной стоит девочка. Тёмные волосы собраны в два хвостика. На голубом сарафанчике отпечатались трава, в которой девочка, видимо, уже успела покувыркаться. Она, чуть приоткрыв рот, наблюдает за мной, а её мама, улыбаясь, наблюдает за ней. Я оборачиваюсь к ней, улыбаюсь. Она тоже неуверенно улыбается и бежит назад, к маме. Я стираю всю ненужную карандашную “шерсть”, сравниваю рисунок с оригиналом. Вполне довольная результатом, отряхиваю джинсы, собираю мольберт и иду дальше. Меня ждёт ещё немало интересных мест.

Следующим местом, которое я посещу, будет церковь Святой Троицы, более известная в Белграде как “Ruska crkva”, что означает “русская церковь”. Она названа так не случайно. Ведь этот православный храм был создан по инициативе русских эмигрантов. Также в нём нашел свой последний приют видный белогвардейский военачальник барон Петр Врангель. Барон умер в 1828 году (пожалуй, это единственная дата, которую мне удалось запомнить) в Брюсселе, но завещал похоронить себя в братской православной стране – такой на тот момент была только Сербия. Мраморная плита с именем Врангеля находится при входе в церковь с левой стороны... Все эти сведения мне тоже рассказал папа. Иногда мне кажется, что папа знает всё об истории Белграда.

Я присаживаюсь на корточки и быстро вожу карандашом по бумаге. Хотя набросок, несомненно, надо наносить простым карандашом, я всё равно рисую голубым. Что-то говорит мне, что я не ошибусь, что в рисовании церкви мне не понадобится ластик. Беру кисти и раскрашиваю церквушку. Купола приобретают нежно-голубой оттенок, крыши и крыльцо становятся зелёными, словно зимняя хвоя....

Я закончила, но мне совсем не хочется никуда идти, хочется сидеть здесь бесконечно, хочется зайти внутрь,...но нет. Я зайду туда завтра, с родителями и братьями (маленьким непоседой Игорем и трёхмесячным Васей), а сейчас мне пора. Я встаю и нехотя плетусь к остановке.

Сейчас я собираюсь нанести визит зоопарку, носящему красивое название “Зоопарк доброй надежды”. Если вам интересно, то он был открыт в 1936 году и за свою историю пережил несколько бомбардировок: дважды во время Второй мировой войны и

во время агрессии НАТО против Югославии. В память о тех трагических событиях зоопарк и носит необычное имя «Парк доброй надежды».

Стены зоопарка покрыты мозаикой. Я, кажется, уже семь лет собираюсь сделать такую же, но всё как-то недосуг.

В этом зоопарке живёт 270 видов животных. Им предоставлена максимальная свобода: к примеру, тигры, африканские львы, медведи, живущие во рвах на огромных пространствах, отделены от посетителей только высокими крепостными стенами, а сетки есть только у обезьян, мелких птиц, белого льва, других хищников. Стёкла присутствуют лишь в серпентарии. Павлины, куропатки, утки и вовсе чувствуют себя хозяевами зоопарка, разгуливая по аллеям вместе с посетителями. В зоопарке всегда можно увидеть следующие сцены: маленькие дети с задорным смехом гонятся за улепётывающими павлинами, туристы протягивают слонихе “Smoki” (это самые, повторяю, самые популярные чипсы в Белграде), слониха тянет и без того длинный хобот и выхватывает еду из рук смеющихся людей, у клеток толпятся хихикающие школьники, протягивающие пёстрым попугайчикам поп-корн.

Я сажусь на раскрашенную под зебру лавочку и зарисовываю девушку с, мягко говоря, неестественным цветом волос. Она улыбается и протягивает слонихе что-то, что я не могу разглядеть отсюда. Дорисовав веерообразные уши одной из них, я встаю и покидаю зоологический парк.

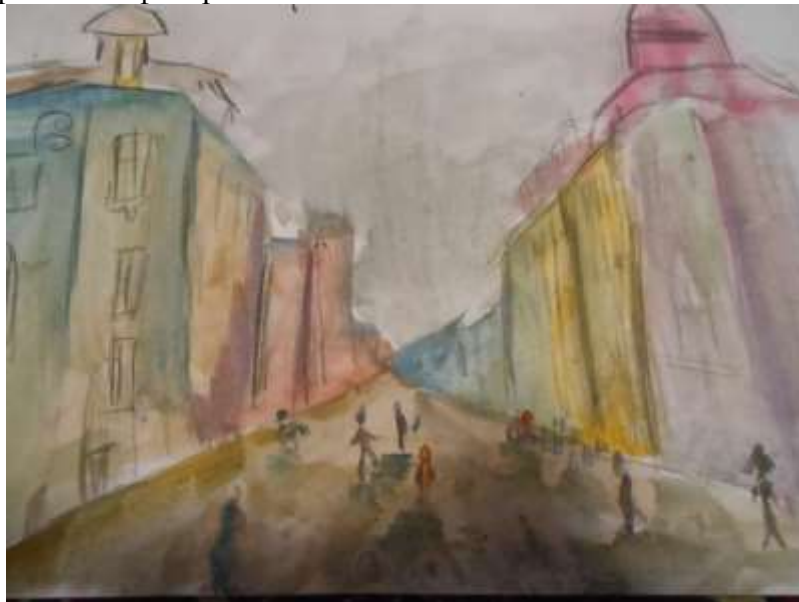
Уже начинает смеркаться. Следующей остановкой становится улица Кнез Михайлова.

Кнез Михайлова улица - настоящее сердце Белграда. Это, конечно, прежде всего туристическая Мекка, в которой обитают продавцы сувениров, "пираты", уличные музыканты. Но Кнез Михайлова - еще и сцена под открытым небом для творческих людей. Здесь можно наткнуться на заезжих музыкантов, купить необычные вещи ручной работы, посмотреть, как художник создает полотна прямо посреди улицы, стать свидетелем кукольного спектакля или одного из многочисленных событий - от забега на шпильках до выставки керамики. Кнез Михайлова живет круглые сутки, и в зависимости от времени ее "лицо" меняется. Вот сейчас, в сумерках, она выглядит просто волшебно. Журчание фонтана, весёлые разговоры людей, треньканье гитары слились в один отрядный звук.

Я прохожу мимо затёртой до сверкающего блеска медной пирамидки в начале улицы (на ней указаны точные координаты Белграда) и направляюсь к белому мраморному фонтану в центральной части улицы, сажусь неподалёку и открываю альбом.

Я наношу лёгкие штрихи. На листке появляются линии перспективы и отдельные здания. Кажется, будто кто-то просто отключил звук, а все люди исчезли с лица Земли. Есть лишь я, улица, бумага и карандаш. Моё сознание, как это всегда бывает, просто отключает на время все ненужные функции...

Спустя полчаса картина готова: яркие тёмные линии словно бы горят на белой бумаге, бледные акварельные краски кажутся оранжевыми в пробивающемся сквозь сгустившиеся сумерки свете фонаря.

Стало совсем темно. Но темнота не может мне помешать, верно? Последней моей картиной будет пейзаж с видом на Храм Святого Савы. (многие любят писать имя Сава с удвоенной “в”, хотя это абсолютно неправильно, так как по-сербски это имя пишется “Sava”)

Этот собор считается одним из самых больших православных храмов в мире и самым красивым зданием во всем Белграде. В нем до сих пор ведутся отделочные работы и суетятся строители, однако один из его приделов уже открыт для богослужений. По большим религиозным праздникам это сооружение может вместить до 10 тысяч людей.

Я подхожу к Храму. Небо вокруг него тёмное, почти чёрное, но, освещаемый прожекторами, он словно бы светится ровным, чистым, белым светом. Струи фонтанов, расположенных рядом с Храмом, играют в голубых лучах фонарей. Создаётся неповторимая атмосфера сказки. Я сажусь на краешек фонтана, уповая на то, что я всё же не умудрюсь соскользнуть туда. Не стесняясь, я сразу беру в руки акварель. Тёмная полоса ночного неба отпечатывается на безжизненно белом листе. Кисть проходится по всей поверхности, оставив лишь небольшой не закрашенный участок - Храм Святого Савы. Вторая кисть, чуть тоньше, вырисовывает изумрудно-зелёные купола, золотой фломастер выводит аккуратные золотые кресты. Я добавляю тени, стираю рукавом (чего уж тут мелочиться, рубашке этой уже лет пять) тёмные подтёки, и рисунок готов. В слабом мерцании прожекторов, светящих со дна фонтана, рисунок кажется просто идеальным. Я вздыхаю, закрываю (уже в который раз сегодня) альбом и иду к автобусной остановке.

Стоя на остановке, я замечаю яркие, пёстрые всплески фейерверка (по-сербски – “vatromet”. Буквальный перевод: “ мечущий пламя”) за тёмными крышами домов. Губы сами растягиваются в улыбке. На ум приходят стихи, прочитанные мной ещё... кажется, год назад:

Какой фейерверк над Белградом,
Какой над Белградом салют!
Какой красоты серенады
Ночные сирены поют!

И ты, бесполезная лира,
Умолкни – свершается суд:
Во имя всеобщего мира
Гремит над Белградом салют.

\
Когда же сирены отвоюют,
И солнце восстанет во мгле –
Наступит ли время отбоя,
Не знает никто на Земле...

А дальше я не помню. А жаль, красивые стихи. Я вздыхаю и захожу в трамвай. Смотрю в окно. За ним мелькают знакомые места. Выхожу на предпоследней остановке.

Вот и закончился этот день. Я могу с полной уверенностью сказать, что он прошёл не зря: ведь в руках у меня чуть располневший от наличия краски и воды на листах альбом. Альбом, в котором заключено нечто очень дорогое и ценное для меня – уголки моей малой Родины.